

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ ОСЕТИН: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ

Хадикова А.Х.

ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», Владикавказ, Россия (362025, РСО – Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46); e-mail: khadikova@[mail.ru](mailto:khadikova@mail.ru)

В статье в историко-генетическом ракурсе исследуются основные аспекты этнических форм общения и поведения осетин. Доминантные принципы традиционной этнической коммуникации, а также базовые моральные и поведенческие стереотипы анализируются на фоне конкретных исторических обстоятельств их формирования и социокультурного функционирования. Стереотипы общения рассматриваются как важнейший компонент всего комплекса традиционной культуры, для которого характерно определенное знаковое содержание и который в значительной степени определяется конкретными историческими условиями развития этноса. Культура общения сформирована под воздействием социокультурных факторов двух основных этапов этнической истории осетин – аланского средневековья и собственно-кавказского, горско-патриархального. Всаднический поведенческий цикл как культурный реликт военно-иерархического общества алан со свойственной ему идеологией активно повлиял на формирование поведенческих стереотипов и стандартов общения не только осетин, но и многих других народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: этнические стереотипы, традиционный этикет, воинская этика, горская патриархальность, менталитет, мировоззрение, этнокультурное наследие.

TRADITIONAL CULTURE OF OSSETIAN'S COMMUNICATIONS: ETHNO-CULTURAL CHARACTERISTICS AND SOURCES OF FORMATION

Khadikova A.K.

Federal State Educational Establishment of high professional education North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov. Vladikavkaz, Russia (362025, the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, 46 Vatutina street); mail: khadikova@[mail.ru](mailto:khadikova@mail.ru)

In the article we investigate basic aspects of ethnic forms of communication and behavior of Ossetians from historical and genetic point of view. Dominant principles of traditional ethnic communication, and also basic moral and behavioral patterns are analyzed against the background of concrete historical circumstances of their formation and socio-cultural functioning. Stereotypes of communication are analyzed as the most important components of the whole complex of traditional culture, which is characterized by a certain symbolic content and which is mostly determined by a specific historical conditions of ethnic development, in particular Alanian Middle Ages and later – actually Caucasian, Corsci-patriarchal period.

Keywords: ethnic stereotypes, traditional etiquette, military ethics, Gorskipatriarchal mentality, ideology, ethnic and cultural heritage.

Введение

В статье на основе историко-ретроспективного метода рассматриваются этнокультурные особенности, а также истоки традиционной культуры общения осетин. Анализ проксемических, кинесических и пр. стереотипов свидетельствует о том, что традиционные нормы общения осетин сформированы преимущественно под воздействием социокультурных факторов двух основных этапов их этнической истории. Это быт и мировоззрение индоевропейцев – алан со свойственным им господством воинской идеологии и более поздний, горско-патриархальный образ жизни в разрозненных и замкнутых ущельях Центрального Кавказа уже после разгрома средневековой Алании.

Известно, что мировоззренческие парадигмы, формирующиеся в каждой этнической культуре, свое внешнее выражение находят именно в алгоритмике личностного и коллективного поведения.

Этнические формы коммуникации все чаще становятся предметом специального внимания исследователей в силу целого ряда причин:

1. Более чем актуальными становятся поиски эмпатических, т.е. гуманистических ресурсов национальных культур.
2. Вследствие нового осмысления самого феномена общения – важнейшего фактора социального существования человека, а также осознания этнических качеств коммуникативной деятельности как внутренней консолидирующей активности народа.
3. Особое значение изучение этнических форм поведения и общения обретает в рамках многонациональных государств. Отнюдь не случайно то, что именно в системе российских гуманитарных изысканий в особое научное направление сформировались исследования исторических и этнических форм общения и поведения [3].

Народы России с их языковыми, религиозными, хозяйственно-экономическими, культурными и прочими различиями, развиваясь и функционируя на базе одной и той же культуры – русской, обрели значительное психологическое сходство. Однако и при совпадении ценностей, в том числе и гражданских, ставших уже универсальными для населения одного государства, могут возникать психологические барьеры, обусловленные рефлексией этнического и исторического прошлого каждого народа. В связи с этим повышается востребованность в конкретных исследованиях по этносам, в анализе их ценностных ориентиров и духовных потребностей.

Осетины – народ индоевропейского происхождения, уже веками проживающий на Северном Кавказе. Устойчивые характеристики осетин, как и многих других народов, формируются рядом особенностей, свойственных их прежнему образу жизни. Глубинные, т.е. базовые ценности, нормативные установки, исторически сложившиеся моральные и личностные идеалы и архетипы этого народа обобщены в уникальном культурном феномене «ирондзинад» («осетинство»). Одним из его наиважнейших воплощений являются тщательно разработанные программы поведения и общения – «агъдау».

Отметим, что стереотипы общения, сложившиеся в любой этнической культуре, создают ее неповторимый колорит, сохраняют культурные феномены предшествующих эпох и в богатейшем многообразии оттенков представляют современный этнический облик народа. При этом важно учесть, что культурное пространство определенного этноса создает те программы поведения, которые максимально адекватны обстоятельствам его исторического развития и социокультурного существования. Основным же воплощением всего комплекса этнической культуры общения является традиционный этикет с его насыщенным семиотическим содержанием и тесной связью с конкретными историческими условиями развития народа, этапами его этнической истории.

Ситуации, актуализирующие этнические стереотипы общения осетин, позволяют

предположить, что истоки их поведенческой культуры необходимо искать в рамках патриархальной семейной общины, в недрах которой во многом формировался тип социального управления поведением. Патриархальность, будучи основным принципом и главным фоном существования большой осетинской семьи, была характерна и для общественных институтов периода традиционной жизни. Комплекс регламентаций, регулирующий семейное общение, вошел в систему категориеобразующих жизненных понятий в масштабах всего этноса. Значимая роль семейных коллективов в экономической, социально-политической, религиозно-обрядовой системах традиционного осетинского общества известна, как известно и современное сохранение патриархальных устоев на Кавказе. Это и предопределяет необходимость исследования этнических форм общения осетин в рамках одного из породившего их института – большой патриархальной семьи.

У осетин-горцев в связи с безземельем большая семья сохранялась в течение длительного времени – вплоть до начала 20 в. Нормы, регулирующие общение внутри семейного коллектива, численность которого иногда превышала сто человек и включала четыре поколения, визуально воплощались в чрезвычайно разработанной модели этикетной организации пространства. Несмотря на то, что традиционные жилища отошли в прошлое даже в горных районах Осетии, стереотипы коммуникативного осмысления пространства все еще представляют интерес, поскольку систематизируют важнейший принцип этнической культуры общения – проксемику.

Композиционные и конструктивные особенности комплексов жилых построек осетин-горцев следует признать типогенными, поскольку они обслуживали конкретные и неизменные категории народного бытия. Это касается и сакрального, и профанного контекстов последнего, а в определенном смысле проксемические стереотипы отражали национальный менталитет. В результате культурной адаптации этносом были найдены единые и самые целесообразные принципы планировки жилища, а также и организации открытого пространства. Проксемические стереотипы моделировали оптимальные жизненные ситуации, согласованные с основными требованиями внутрисемейного и общественного устройства.

Коммуникативным центром большой семьи был хадзар – ее главное общее помещение и резиденция руководителя – хицау. Попытки кратко охарактеризовать суть социально значимого общения в хадзаре должны свестись к констатации того факта, что решающими здесь были конкретные пространственно-кинестические выражения форм семейного этикета в строгой привязке к функциям предметов обстановки. Это означает, что обстановка хадзара состояла из ограниченного комплекта предметов – локусов, уместных и разрешенных для столь сакрального помещения. Каждый из хадзарных объектов, будь то самое святое место в доме – очаг, или надочажная цепь над ним, либо столб, поддерживающий потолочную балку, ритуальный столик – фынг, котел, а также кресло главы семьи – помимо прямого, т.е. утилитарного предназначения имел еще и ярко выраженный ритуально-

символический подтекст. Именно им и было структурировано пространство, значимое для традиционного этикета.

Стилистика поведения, как и само присутствие/ отсутствие домочадцев в различных зонах «святости» жилища, предопределялась статусом коммуникантов. Организационные начала проксемики хадзара, как и открытого пространства осетин, были категорически инвариантны, поскольку являлись строгим кодированием семейной и социальной иерархии с конкретным набором полномочий для каждого. Позиции «центр», «справа», «впереди», иногда «в глубине (помещения)» были более престижны и предназначались для символизации высокого статуса коммуникантов, либо выражения особых почестей в случае какой-то инверсии традиционно бытующих признаков авторитета. Чаще всего иерархия была основана на компетенциях пола и возраста, однако случались и исключения. Будучи материальным и зримым воплощением неких абстрактных категорий нравственного порядка, стратификация пространства способствовала их семиотическому осмыслению и культурной трансляции.

Существовали вполне конкретные проксемические символы внутренней иерархии – это касается права наиболее почетного рассаживания и самих домочадцев, и порядка пространственной расстановки предметов. В народных представлениях предметы и объекты традиционного жилища наделялись определенным символическим содержанием – «мужским» и «женским», «молодежным» и «взрослым» и т. д. Именно в этой зависимости они и располагались – либо в престижных (центр и правая сторона) зонах, либо в непрестижных (периферия и левая сторона). Так фиксировалась строгая иерархия в семье, авторитарность управления ею, а также повышенная степень социальной и личностной ответственности мужчин и, соответственно, их ведущее положение. Те же принципы сохранялись и на уровне традиционного социального устройства.

Таким образом, сфера семейного и общественного этикета осетин в «горский» период их этнической истории (после разгрома средневековой Кавказской Алании и до 18 в.) несут следы глубокой патриархальности.

Но на параметры и способы коммуникативной деятельности осетин, на их традиционный этикет и культуру общения в целом существенное влияние оказали и более архаические этапы их этнической истории. Моральные категории воинского происхождения, в частности, производная от них всадническая этика, как наиболее значимая часть социокультурного наследия североиранских предков осетин, формировала определенные мировоззренческие модели, поведенческие стереотипы, нравственные образцы, столь свойственные воинственному этосу. Необходимо отметить также, что указанная часть аланского наследия оказала мощное культурное воздействие и на многие другие народы Северного Кавказа, сформировав их некое ментальное созвучие. Это касается общих, но в разной степени представленных «северокавказских» культурных феноменов – нартского эпоса, всаднического этикета и т.д.

Всадническая этика как культурный феномен, обусловленный конкретными историческими условиями развития этноса и сохраняющийся силой исторической инерции, лежит в основе традиционной культуры общения осетин, во многом определяя суть ее национальной специфики. Наиболее поверхностное ее проявление отразилось в наблюдениях, касающихся этнического габитуса осетин, конечно же, традиционного периода. К примеру: «Что во Владикавказе поражает более всего, так это типы настоящих горцев. Иной и одет бедно, и лошадь-то у него не Бог весть чего стоит, а вся фигура всадника с его оригинальной посадкой, закутанного в башлык, в бурке, надетой на бок, с винтовкой за плечами, шашкой и кинжалом так и просится на картину» [4, с. 155].

Предъявляемые всадникам высокие требования эстетического характера подтверждаются мифологическими сюжетами. К примеру, эпический Тотрадз, вскочив на коня, обращается к матери: «Посмотри на меня, если я красив как наездник, то еду к нартам, если же нет, не еду [7, с. 394]. Безусловно, доминирование признаков воинской идеологии в среде осетин традиционного периода запечатлелось не только в своеобразной эстетике имиджа конного путника, но в этом культурном явлении оно обрело свой самый доступный для наблюдения вариант. Более всего к системе воинских ценностей причастны реликтовые циклы традиционного этикета, такие, как застольный, охотничий, действующий на народном совете («нихас») и т.д. Высокий престижный потенциал воинской поведенческой стилистики выставлял многие закономерности становления, как и поведенческую специфику коммуникативной культуры осетин. Указанные поведенческие константы отнюдь не утрачивались, но видоизменялись во времени, охватывая все сферы семейной и общественной жизни традиционного осетинского общества [9].

Господство воинской идеологии отражалось на требованиях полного вооружения мужчины в случаях его присутствия в общественных местах. Это являлось символом парадного облачения мужчины, знаком его социальной дееспособности, но отнюдь не повышенной агрессивности. Всаднические или, условно говоря, «воинские» нормы обхождения в целом были структурированы поведенческими моделями следующего оппозиционного типа:

1. «Старший – младший». Понятия воинской иерархии основывались на механизме строгого подчинения старшему. Интересно, что возрастная терминология имела и практику социально-должностного применения. Проксемика всаднического передвижения не вполне соответствовала обиходной – когда пространственная позиция «впереди», как более почетная, принадлежит старшему. Порядок передвижения всадников тоже строился в возрастном соотношении, но несколько необычно, отлично от пешего. Обратимся к примерам из нартовского эпоса – пробираясь по лесной куще, «задышаться стал конь Урузмага и сказал тогда мальчик: «Я поеду вперед. Пусть с сегодняшнего дня не будет позором, если младший поедет впереди старшего» [8, с.84]. Действительно, по правилам пешего хода старший шествует впереди, конное же следование прямо противоположно – оно соответствует былому порядку боевого передвижения алан, согласно которому впереди шла легкая

кавалерия. Как правило, это были действительно младшие, выполнявшие обслуживающие функции – интендантские, разведывательные и т.д. Далее, т.е. прямо за ними следовал главный боевой корпус – взрослые воины [1, с. 42]. В случае боя младшие должны были быстро отойти назад, уступая им место.

2. «Мужчина – женщина». Встреча всадника с женщиной обязывала его к исполнению тщательно разработанных поведенческих стандартов, «рыцарских» по своей сути, т.е. суть – воинских. К концу 19 века относятся следующие наблюдения: « У дороги... стояла большая кавалькада вооруженных ... всадников, которые в виде приближения женщин слезли с коней и почтительно их пропустили. Проходя мимо них, женщины, понунив взоры, проходили молча. Если всадник едет навстречу идущей женщине, то он считает своим долгом приличия слезть с коня и, ведя его на поводу, пропустить женщину и тогда уже садиться. То же самое, если бы всадник стоял, а женщина проходила бы» [5, с. 65].

3. «Конный – пеший». Примером этой оппозиции может служить уже упомянутая инверсия конного передвижения. Укажем также, что по правилам традиционного этикета женщина безоговорочно должна уступить дорогу пешему мужчине. Всадник же вынужден вести себя иначе – не только остановиться и уступить ей дорогу, но и спешиться при этом, т.е. оказать почести женщине. Более того, если женщина шла в одиночестве, всадник обязан был сопроводить ее, двигаясь поодаль и не вступая в разговоры. Таким образом, наблюдается значительное изменение мужского поведения в зависимости от того, конный он или пеший.

Совершенно очевидна большая архаика всаднических поведенческих циклов – тех, что являются реликтом воинской этики. Воинское наследие, трансформированное, но вполне сохранившееся, многообразно и отчетливо прослеживается в самых разных аспектах традиционного уклада осетин – функциональных и даже структурных [9]. Но рамки одной статьи не позволяют изложить результаты глубокого анализа означенной проблемы, сосредотачивая нас лишь на одном ее аспекте – архаических поведенческих стандартах.

Воинские стандарты структурированы не только моделями указанного типа, но и некоторыми тактическими особенностями, способными в определенных ситуациях послужить сигналом: к примеру, эпический Сослан, уполномоченный вернуть на пир оскорбленного Арахдзауа, рассуждает следующим образом: «Догнать его? Он подумает, что я его преследую. Обогнать и выехать навстречу? Может подумать, что я в засаде ждал его. Будь что будет, поеду сторонкой» [7, с. 394].

Существенной характеристикой воинских реликтов была организация посредничества в случае поединков – дуэлей. Самой тактикой боя были предусмотрены некоторые нормы, имеющие этическое содержательное наполнение, к примеру, запрещалось добивать соперника в личном поединке: «Не подобает мне рубить тебя еще раз. Нарты Ахсартагата поражают с первого, подобного молнии удара» [8, с.350].

Существенно, что в основе социально-иерархической системы, реализующей традиционное

общение осетин, лежит регламентация возрастных отношений с определенным набором соционормативных полномочий для каждого. Возрастная терминология – хистар (старший), амгар (ровесник), кастар (младший) – входит в категориюобразующие понятия этикета, определяющие стилистику общения. То же касается и поведенческих стереотипов, связанных с культурным осмыслением пола, т. е. символов мужской и женской этнических субкультур. Эстетизированные и дожившие едва ли не до современности, они активно формировали национальную ментальность, этнические формы поведения и предопределили многие проявления не только семейной, но и общественной жизни современных осетин [9, с.132–150].

Стандарты поведения, характерные для «правильного», по народным понятиям, мужчины и «правильной» женщины, несущие социально-семантическую нагрузку, до сих пор присутствуют в этническом осмыслении идеальных воплощений человеческого достоинства. В традиционной осетинской повседневности поведение женщин было подчинено предписаниям понятия «нымд» – стыдливость. Мужской поведенческий комплекс варьировал в рамках всаднического воинского этикета и нормах, им порожденных – «лагдзинад» («мужчинство»). В традиционной общине официозные действия в отношении женщин отличались большей архаикой и долго сохраняли следы общественного устройства североиранских предков. Некий парадокс заключался в двойственности статуса женщины – в рамках традиционной сельской общины она была социально компетентнее, нежели в рамках патриархальной семьи. Таким образом, в культурно-престижном имидже женщины запечатлелись два основных фактора этногенеза осетин – архаический индоевропейский и, соответственно, более поздний – горский, патриархальный, кавказский.

Современный итальянский исследователь Ф. Кардини предположил, что истоки не только кавказского, но и европейского средневекового рыцарства следует искать в культуре всадничества, свойственной североиранским народам – скифам, сарматам и аланам. Согласно его концепции, распространение самого феномена конного воинства сопровождалось также и культурной трансляцией техповеденческих норм и моральных убеждений, которые этому воинству были свойственны [6]. После падения Кавказской Алании поведенческие предписания и символизм, отвечающие реалиям воинского происхождения, стали культурным достоянием многих народов. Осетины как прямые преемники аланской культуры сохранили нормы всаднического обхождения не только в среде высших сословий. Стереотипы указанного происхождения обеспечивали традиционное общение осетин без особых сословных вариаций [9, с. 106–118].

В целом именно всаднический цикл, как реликт эпохи военной иерархии алан и предопределил базу для формирования основных контуров морально – нравственных ценностей, а также норм и стереотипов, составляющих основу поведенческой культуры большинства народов Северного Кавказа.

Национальный этикет – отражение культурно-психической общности народа. Его научное

изучение может способствовать скорейшему формированию духовного, психологического и нравственного единства, а также непрерывного этнополитического пространства многонационального федеративного государства.

Список литературы

1. Багаев А.Б. Военное дело осетин XV–XIX вв. – Владикавказ, 2011. – 215с.
2. Бгажноков Б.Х. Основания гуманистической этнологии. – М., 2003. – 270 с.
3. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983.
4. Владыкин М.Н. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. – М.,1885. – Ч.1. – 115 с.
5. Кануков И.Д. В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. – Орджоникидзе, 1985. – 472 с
6. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – М., 1987. – С. 325.
7. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. – М., 1989. – 495 с.
8. Сказания о нартах. Осетинский героический эпос. – М., 1978. – 364 с.
9. Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. – СПб., 2003. – 230 с.
10. Хадикова А.Х. Феномен этничности разделенного осетинского народа: истоки и факторы воспроизводства // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. – Владикавказ, 2012. – № 2. – С. 82-88.

Рецензенты:

Дудайты А.К., д.и.н., доцент новой, новейшей истории и политологии ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова», г. Владикавказ.

Дзарасов А.А., д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова», г. Владикавказ.